

ности, определяющий направление деятельности, либо как результат этой деятельности (нормотворчество и репродуцирование норм), опосредованный в своем формировании активностью идеальной стороны общественного процесса, его относительной самостоятельностью, что предполагает возможность их анализа на достаточно абстрактном уровне.

Социальные нормы это исторически сложившиеся и выраженные в институционально-системной форме объективные регуляторы деятельности и общественных отношений, фиксирующие их особенности и взаимную связь, проявляющиеся в традициях, обычаях, ритуалах, стереотипах поведения и т.д.

Заключение. Актуальность исследования социальных норм в контексте связи с деятельностью и отношениями определяется также тем, что «новейшие тенденции общественно-исторического развития чреваты стиранием традиционных различий между дозволенным и недозволенным, допустимым и неприемлемым, нормальным и ненормальным... У человека массы теряется внутренняя связь с глубинными основами бытия, безмерно расширяется вакуум бездуховности». [19]

Очевидно, что социальная норма - объективный регулятор социальных процессов. А поскольку познание реально существующих норм возможно только на основе и посредством деятельности, то объективные взаимодействия социальных норм между собой (в рамках их системы), а также взаимосвязь с ненормативными регуляторами общественных отношений могут отождествляться с характеристиками деятельности. И в итоге развитие наших знаний о социальной норме представляется как развитие реальных норм. Процесс нормативного отражения и изучение этого процесса оказываются внутренне противоречивыми: при изучении социальных норм в качестве объекта социального познания субъект этого познания изучает не только социальные нормы, но и общественные отношения, фиксируемые этими нормами, и самого себя, как носителя этих отношений и субъекта норм, а тем самым - и цель своего социального существования.

СПИСОК ЦИТИРОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Бачинин, В.А. Антропосоциология аномативного поведения // Общественные науки и современность. – 2001. – №3. – С.62–73.

2. Бобнева, М.И. Социальные нормы и регуляции поведения. – М.: Наука, 1978. – С.7.
3. Даштемиров, С.А. Социальные нормы: гносеологический и социологический анализ. – Баку: Элм, 1984. – С.105-106.
4. Коршунов, А.М. Отражение, деятельность, познание. – М.: Политиздат, 1979. – С.161.
5. Плотников, М.В. Аспекты деструктивности в современных организационных культурах // Общественные науки и современность. – 2006. – №3. – С. 132-147.
6. Плахов В.Д. Социальные нормы: философские основания общей теории. – М.: Мысль, 1985. – С. 234.
7. Постсоветский институционализм / под ред. Р.М. Нуреева, В.В. Дементьева. Донецк: Каштан, 2005. – С. 446–479.
8. Социально-экономические отношения и соционормативная культура. – М.: Наука, 1986. – С. 91.
9. Сагатовский, В.Н. Общественное отношение и деятельность // Вопросы философии. – 1981. - №12. – С. 69-75.
10. Социальные отклонения. Введение в общую теорию. – М.: Юрид. лит., 1984. – С.74-75.
11. Ходжсон, Дж. Что такое институты? // Вопросы экономики. – 2007. - №8. - С.30.
12. Момов, В. Норма и мотив поведения // Вопросы философии. – 1972. - № 8. – С. 108.
13. Норт, Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М.: Фонд экономической книги, «Начала», 1997. - С. 17.
14. Нестеренко, А. Современное состояние и основные проблемы институциональной теории // Вопросы экономики. – 1997. - №3. - С. 42 – 57.
15. Слободчиков, В.И. Деятельность как антропологическая категория // Вопросы философии. – 2001. - №3. - С. 53.
16. Швырев В.С. О деятельностном подходе к исследованию феномена человека // Вопросы философии. - 2001. - №2. -С. 108.
17. Андреев, Ю.П. Содержание и структура общественных отношений. – Саратов: Изд. СГУ, 1985. – С.38.
18. Шулевский, Н.Б. Принцип объективности познания: предметное содержание и логические функции. – М.: МГУ, 1985. – С.20.
19. Гаджиев, К.С. Масса. Миф. Государство // Вопросы философии. – 2006. - №6. - С.4.

Материал поступил в редакцию 14.11.08

TSEPAYEV S.P. Social norms, activity and relations research (methodological aspect)

Norms, activity and interests are being researched. An expression of subjects' interests, the norm regulates activity and relations. It is related to the necessity and the law and fixes the connection between social subjects' interests.

Activity approach is the basis for norm research. It is incorrect to equate activity and behavior, attitude and communication. Social norms are the activity result which exerts an adverse effect on the activity.

Social norms is the system of social processes objective regulators that fix interconnection between activity and attitude. They manifest themselves in rules, traditions, customs, institutions, etc.

УДК 159.922

Лагонда Г.В.

К ВОПРОСУ О ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ МЕХАНИЗМАХ ВЗРОСЛЕНИЯ

Проблемам психического развития взрослого человека современной психологией уделяется явно недостаточно внимания. Сам факт развития не отрицается. Однако содержательная сторона этого процесса, закономерности, которым он подчиняется, да и сама его направленность представлены в психологических трудах крайне скудно. Как правило, не обсуждаются и механизмы становления взрослого человека. Исследователи зачастую ограничиваются лишь констатацией факта о том, что человеческая жизнь делится на две эпохи: детство и взрослость, а затем сосредотачиваются на пере-

числении имеющихся между этими эпохами различий. В данной статье предпринимается попытка описать в краткой форме те события, которые происходят в психической реальности человека, позволяя ему стать взрослым.

Взрослость прочно и однозначно ассоциируется в нашем сознании с ответственностью, свободой выбора, самостоятельностью, независимостью и автономностью. Что же касается возраста, в котором происходит взросление человека, то на этот счёт существует несколько точек зрения.

Лагонда Глеб Владимирович, к.п.н., доцент кафедры психологии Учреждения образования «Брестский государственный университет им. А.С.Пушкина»

Беларусь, БрГУ, 224665, г. Брест, бульвар Космонавтов, 21.

В повседневной жизни большинство родителей, общаясь с детьми, решают данный вопрос крайне неоднозначно. Как правило, они ориентируются на ситуативные воспитательные цели и используют категорию взрослости для манипуляций. При этом интервал между фразами «Ты ещё маленький» и «Ты уже взрослый» может составлять всего несколько минут. В первом случае речь идёт об обосновании запрета на что-либо, во втором – о возложении на ребёнка ответственности за определённые решения и поступки. Хотя, конечно же, в глубине души дети для родителей всегда остаются детьми.

В юриспруденции взрослость косвенно представлена категорией ответственности. С различным календарным возрастом законодательно сопряжены разные виды и степени ответственности, разные права и обязанности. В отличие от обыденных представлений, юридические являются более строгими и однозначными, поскольку возраст полной юридической ответственности чётко определён. Однако и здесь случаются противоречия. К примеру, ещё в недавнем прошлом двадцатилетний парень, отслужив армию и даже повоевав, должен был подождать ещё год, чтобы получить официальное право покупать спиртные напитки.

С позиций психологической науки взросление следует соотносить с периодом юности. Но здесь возникает проблема иного рода. К настоящему времени разработано достаточно много периодизаций психического развития, и временные рамки юности в них существенно варьируют, как варьирует и содержательная характеристика самого возрастного периода.

Так когда же человек становится взрослым? Почему в определённом возрасте он приобретает ответственность за свою жизнь? Какие психологические механизмы позволяют индивиду перейти от зависимого к автономному существованию?

Ответы на поставленные вопросы имеют не только научное, но и прикладное значение. Ведь не секрет, что многие люди, становясь взрослыми, продолжают вести себя инфантильно. Они избирательно реализуют возможности, предоставленные свободой выбора, с удовольствием пользуясь приобретёнными правами, но «не спеша» обременять себя обязанностями. Такая потребительская жизненная позиция порождает ряд социальных, межличностных и внутриличностных проблем. Студент, который искренне считает, что плата за обучение вносится за диплом, а не за возможность получить знания. Супруги, каждый из которых хочет, чтобы его властные полномочия были максимальными, а заботы о «хлебе насущном» взяла бы на себя другая половина (иначе – что это за любовь). Молодые семьи, очень самостоятельные и современные, но не торопящиеся отказываться от всех видов родительской помощи. Работник, озадаченный тем, чтобы найти обоснования своему бездействию, вместо того чтобы изыскивать возможности для выполнения полученного задания... Галерею подобных образов можно продолжать достаточно долго. Однако всех их объединяет нечто общее – недостаточная взрослость взрослых людей.

Для того чтобы получить возможность предотвращать инфантильность взрослого человека и целенаправленно влиять на его становление, следует попытаться найти ответы на сформулированные выше вопросы. Для их решения же необходимо выделить тот функциональный орган (психическое новообразование, средство психического развития), который позволяет человеческому Я развиваться относительно автономно. Жить, опираясь преимущественно на внутренние ресурсы, опосредуя своё психическое развитие созданным собой же нормативным эталоном, определяющим меру воздействия на других людей.

По нашему мнению, «эпицентром» событий, происходящих с человеком в ходе его взросления, является концепция жизни, то есть практическая философия жизни. *Под концепцией жизни мы понимаем наиболее общие представления человека о жизни, требующие усилий для их реализации, и о смерти* [1].

Концепция жизни человека конкретизируется в переживаниях ценности его жизни, ценности жизни другого человека, ценности жизни вообще, а также в другом ряде переживаний – ответственности за жизнь, за живое, переживаний по поводу источников своей жизни, источников собственной силы. «От такого обобщённого, ито-

гового отношения человека к жизни, – писал С.Л. Рубинштейн, – зависит и поведение субъекта в любой ситуации, в которой он находится, и степень зависимости его от этой ситуации или свободы в ней» [2, с. 352]. Пожалуй, от этого отношения зависит и мера воздействия на другого человека. Иными словами, что бы человек ни делал, какие бы поступки он ни совершал, прямо либо косвенно он соизмеряет их с положениями используемой концепции жизни. Ударить обидчика или нет, выполнить работу самостоятельно или попытаться увильнуть, схитрить или сказать правду – эти и другие альтернативы человек разрешает, отталкиваясь от представлений о ценности жизни вообще и ценности человеческой жизни в частности.

Таким образом, концепция жизни обладает свойствами знака (в терминологии Л.С. Выготского). Опосредуя поступки индивида, она придаёт им осознанный характер. Больше того, она регулирует не отдельные аспекты человеческой деятельности, а всё поведение в целом. Поэтому обсуждаемая структура психической реальности может рассматриваться в качестве базовой, основополагающей для жизнедеятельности человека знаковой системы.

Многие авторитетные философы и психологи (М.К. Мамардашвили, К.А. Абульханова-Славская, С.Л. Рубинштейн, Г.С. Абрамова) утверждают, что обобщённое отношение человека к жизни наличествует в его психической реальности всегда. Оно является необходимым условием существования человеческого Я.

С момента рождения ребёнок сталкивается с конкретными формами философии жизни, задающими границу между жизнью и смертью, задающими границу между живым и неживым. *Первоначально ребёнок «пользуется» концепцией жизни, предлагаемой ему взрослыми (в первую очередь родителями)*. Именно родители «поставляют» малышу правила поведения в различных ситуациях. А правила эти определяются их (родителей) концепцией жизни. Однако в детском возрасте уже складывается и собственное отношение к проблемам, в центре которых стоят вопросы: «Что есть моя жизнь?» и «Что я могу делать со своей жизнью?» Чтобы убедиться в этом, достаточно вспомнить то потрясение, которое испытывает трёхлетний малыш, вдруг остро осознающий, что он также как и все когда-то умрёт, и что точно также смертны его родители. Это переживание – уже личный вклад ребёнка в используемую им концепцию жизни. Тем не менее, в детстве, когда человек опирается на преимущественно заимствованную жизненную теорию, за выбор меры воздействия на себя и на других людей отвечают те взрослые, кто эту теорию ему предоставил.

Несколько упрощая рассуждения, их основную идею можно выразить следующим образом. Поведение человека в значительной мере определяется используемой им концепцией жизни. Дети опосредуют свои действия и поступки философией жизни родителей. Поскольку последняя «является собственностью» взрослых, постольку последние и отвечают за жизнь и поведение ребёнка.

С возрастом ситуация меняется. Чем старше становится ребёнок, тем значительнее его собственный вклад в используемую им концепцию жизни. Критический момент в этом плане наступает в период юности, а точнее в возрасте 17–18 лет. Как отмечает Г.С. Абрамова, в данном возрасте «уже есть готовность к организации своей жизни в соответствии с идеями – концепцией жизни... Этой готовностью и можно было бы разграничить подростковый и юношеский возраст» [3, с. 563]. Возникновение в психической реальности юности подобных переживаний является логическим продолжением возникшей в подростковом возрасте тенденции эмансипироваться от взрослых. Ведь отдаление от родителей подразумевает способность и умение принимать самостоятельные решения.

В свою очередь реализация упомянутой готовности становится необходимой в связи с требованиями социальной ситуации развития. Общество ожидает от молодого человека профессионального самоопределения, а последнее зачастую сопряжено с обучением и проживанием вдали от родного дома. Общество затем требует от индивида самостоятельной работы в соответствии с распределением. Общество заинтересовано и в том, чтобы человек создавал собственную семью. Иными словами, какой бы аспект человеческих отношений ни рас-

смагивать, социум заинтересован в том, чтобы, вырастая, индивид стал автономным, мобильным и ответственным.

Таким образом, под влиянием внутренних психических и внешних социальных процессов юноша начинает строить и реализовывать самостоятельные жизненные планы. И тут он сталкивается с несостоятельностью по многим важным для него вопросам заимствованной жизненной философии.

По нашему мнению, это обусловлено рядом причин. Во-первых, несмотря на всю свою значимость, родители являются не единственными взрослыми, кто влияет на становление концепции жизни ребёнка. А положения жизненной концепции, почерпнутые у разных значимых взрослых, зачастую противоречат друг другу. Во-вторых, многие важные, с точки зрения родителей, проблемы не являются актуальными для их детей. Например, принцип преданности делу Коммунистической партии, как основа гражданской позиции советского человека, вызывает у современных подростков лишь недоумение и замешательство. В-третьих, каждое новое поколение людей сталкивается с реалиями жизни, с которыми предшествующая генерация дела не имела, а значит, просто не способна «дать взаймы» соответствующие рекомендации (поскольку таковых просто нет). На наших глазах произошли серьёзные изменения в жизни общества, обусловленные тотальным распространением компьютерных и мобильных технологий. Проблемы, порождённые виртуальной реальностью и избытком информации, не смогли в своё время предвосхитить даже фантасты. А на очереди уже необходимость выработки индивидуальной и общественной позиций в отношении клонирования и тканевой терапии. В-четвёртых, даже к тем реалиям, которые мало изменились со временем, разные поколения могут относиться по-разному. Взять хотя бы преданность своему отечеству. История знает массу примеров, когда патриотизм определённым поколением трансформировался в националистический шовинизм. И в-пятых, вряд ли кто-нибудь станет возражать против тезиса о влиянии индивидуального опыта на формирование представлений о жизни и смерти.

Возможно, в перечне причин могут быть выделены и иные позиции. Однако несомненно, что их следствием становятся попытки молодого человека преодолеть смещение ролей и обрести, как утверждал Э. Эриксон [4], собственную идентичность. Соответственно для этого юноше необходимо создавать собственную концепцию жизни. И если он не страдает задержкой психического развития, то более или менее успешно справляется с данной задачей.

Создание человеком собственной концепции жизни становится отправным пунктом в его новом статусе – статусе взрослого. Теперь «точка опоры», определяющая и опосредующая стратегию поведения индивида, находится не вне его, а является частью его психической реальности. Пока ребёнок пользовался «родительской» концепцией жизни, они за него и отвечали. Чем больше в этой жизненной философии становилось своего, личного, тем больше ответственности ложилось на детские плечи. Когда же, наконец, юноша создаёт систему собственных обобщённых представлений о жизни и о смерти и начинает на её основе выстраивать свою активность, он обретает как самостоятельность, так и полную ответственность. Именно поэтому создание индивидом своей концепции жизни мы склонны рассматривать в качестве психологического механизма взросления.

С этого времени существенно изменяется и общая направленность психического развития человека. Развитие ребёнка, если позволительно будет так выразиться, носит скорее экстенсивный характер. Оно сопряжено, главным образом, с последовательным формированием психических новообразований и сменой ведущих видов деятельности. Научных трудов, посвящённых исследованию этого процесса, написано достаточно много.

О психическом же развитии взрослого человека говорят гораздо меньше. Ведь ведущий вид его деятельности – это труд. И это на всю оставшуюся жизнь. Конечно же, психические новообразования (например, готовность женщины к материнству [5]) возникают и у взрослых людей. Однако подобные явления не обладают свойствами для детства последовательностью становления и универсально-

стью. Так, упомянутая готовность к материнству возникает не у всех женщин, может формироваться в разном возрасте, к тому же имеет ярко выраженную индивидуальную специфику. Создание человеком собственной концепции жизни в этом плане оказывается последним психическим новообразованием, «подчиняющимся» закономерностям психического развития ребёнка. Оно же является началом нового, интенсивного, пути развития, характерного для эпохи взрослости. Весь психологический «инструментарий», необходимый для автономного взрослого существования, оказывается сформированным. Главный вопрос теперь состоит в том, как он будет использован.

Когда мы говорим об интенсивном характере психического развития взрослого человека, то рассуждаем в русле основных идей гуманистической психологии. Согласно этим представлениям развитие взрослого сопряжено со стремлением максимально реализовать заложенные в каждом человеке с момента его рождения потенциальные возможности. Креативность и принятие общечеловеческих ценностей, гибкость поведения и рефлексивность, спонтанность и компетентность во времени, самоуважение и принятие мнения других людей – эти и другие стороны психического развития взрослого человека хорошо известны. Именно они являются мерилем психической зрелости взрослого человека. Иными словами, психическая зрелость нами рассматривается как предельное воплощение психического развития во взрослом возрасте.

Соответственно зрелость рассматривается нами не как данность, присущая взрослости, а, скорее, как состояние, к которому взрослый человек способен время от времени приближаться. И приближение это имеет место лишь в тех случаях, когда он, выстраивая линию своей жизни, с максимальной активностью использует имеющиеся в его распоряжении физические и душевные возможности. «Жизнь есть усилие во времени», – говорил М.К. Мамардашвили [6, с. 51], и с ним нельзя не согласиться.

Одним из основных душевных ресурсов, который во многом определяет и выраженность усилий, ведущих к достижению зрелости, и направленность этих усилий, является содержание концепции жизни. Она может быть таковой, которая заставляет взрослого человека искать причины, оправдывающие его безынициативность и слабость. Подобное поведение свидетельствует о том, что индивид, будучи уже полностью ответственным за собственное существование, тем не менее, этот факт не признаёт (или признаёт лишь частично). Причины своих поступков он склонен искать вовне. Такую философию жизни можно определить как незрелую. Зрелая же концепция жизни носит совершенно иной характер. Она подвигает индивида к тому, чтобы изыскать в себе резервы и найти возможность воплотить задуманное в реальность. Она требует усилий, но в то же время позволяет обретать всё новые силы. И это не парадокс, ведь признавая ответственность за всё содеянное собой, индивид действительно становится автономным и независимым, то есть в значительной степени хозяином своей судьбы. А в этом и состоит сила взрослого человека.

СПИСОК ЦИТИРОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Лагонда, Г. В. Готовность к Встрече в системе показателей развития Я взрослого человека. Монография / Г. В. Лагонда. – Брест: Издательство УО «БрГУ им. А.С.Пушкина», 2005. – 152 с.
2. Рубинштейн, С. Л. Проблемы общей психологии / С. Л. Рубинштейн. – М.: Педагогика, 1973. – 423 с.
3. Абрамова, Г. С. Возрастная психология / Г. С. Абрамова. – М.: Академия, 1997. – 704 с.
4. Эриксон, Э. Детство и общество / Э. Эриксон. – СПб.: ЛенАТО АСТ фонд «Университетская книга», 1996. – 590 с.
5. Психология семейных отношений с основами семейного консультирования / Под ред. Е. Г. Силиевой. – М.: Издательский центр «Академия», 2005. – 192 с.
6. Мамардашвили, М. К. Психологическая топология пути / М. К. Мамардашвили. – СПб.: Издательство русского Христианского гуманитарного института, 1997. – 572 с.

An own-created life conception regards as psychological new formation, that signifies crossing from childhood to maturity. A validity of this theoretical thesis proves scientifically. The author comes to light the mechanism of displacement of responsibility for a life from parents to a becoming adult subject. The methodological bases of the article are scientific works of S.L.Rubinstain, M.K.Mamardashvili, E.Ericson and G.S.Abramova.

УДК 159.9+612

Анна Яноха

ИСТОРИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ ЭМОЦИЙ

Многие века люди задавались вопросом о природе эмоций и пытались её понять. Уже древние греки считали, что в зависимости от доминирования определенной «организменной жидкости» существует четыре типа эмоционального темперамента: сангвиник, меланхолик, холерик и флегматик. Собственно эта идея Гиппократов подтолкнула его последователей к поиску факторов, детерминирующих настроение и эмоции внутри организма, а со временем в нервной системе [1]. Платон считал, что местом зарождения эмоций является душа, и делил её на три части – разумную, чувственную, и, являющуюся посредником между ними, импульсивную [2]. Он ввёл новое понятие души, хотя это название хорошо было знакомо грекам и до него, но он придал ему новое содержание. До него философы-натуралисты считали душу разновидностью материи, орфейцы – неземным демоном. Платон эти концепции модифицировал и создал их оригинальный синтез [2]. Он утверждал, что происходящие от души страсти, желания и страхи делают наше мышление невозможным. Из его диалога «Пир» следует, что разум также содержит зачатки эмоций [3]. Согласно его точке зрения, эмоции являются чем-то вроде необъезженных коней, которые должны удерживаться интеллектом, исполняющим роль извозчика [4]. Фактически, Платон оперировал не одним, а скорее двумя понятиями души. Душа в первом значении охватывала чувственные и импульсивные функции, в другом – была самим разумом. Первое понятие среди последователей Платона развил Аристотель, второе обновили религиозно мыслящие представители заката древности, а развили представители христианства [2].

Аристотель выделяет три разновидности души. Растительная душа выполняет низшие функции – осуществляет питание и рост, но не способна к восприятию. Этой способностью обладает душа более высокого порядка, т.е. душа животная. С восприятием связано удовольствие и неудовольствие, а с ними – желание удовольствия и тяга к избеганию неудовольствия, следовательно, только животная душа имеет чувства и влечения. Однако существует еще более высокий порядок – мыслящая душа, присущая только человеку. Высшей способностью мыслящей души является разум, который познает как быт, так и добро, признавая, что добро управляет волей и делает так, что воля становится разумной [2]. Происходящие из мыслящей души эмоции могут быть только мысленными интерпретациями ситуаций, в которых мы находимся [5]. Эта линия продолжилась в значительно более поздних работах Картезиуса (Рене Декарта) и Спинозы и гармонично вписалась в когнитивное учение, которое подчинило психологическую мысль в середине XX столетия.

В своей «Риторике» Аристотель определяет эмоции как «то, что приводит к такой перемене состояния человека, что недоразвитой остается его способность оценки, и чему сопутствуют удовольствие и боль. Примерами эмоций являются: злость, страх, жалость и т.д., а также их противоположности». Аристотель подробно описывает некоторые эмоции, а в особенности злость, которую представляет в удивительно современных категориях. В своем анализе злости он принимает во внимание характерный познавательный компонент, определенный социальный компонент, бихевиористическую тенденцию, а также проявление физического возбуждения. Он также дополняет, что физический либо психический дискомфорт способствует появлению злости. В свою очередь, в «Этике Никомаха» он подробно описывает страх, сравнивая его с отвагой, которая может основываться на проявлении соответствующего уровня страха дале-

кого от лихости и от трусости. Так, следовательно, эмоции – это основной элемент «хорошей жизни», а анализ их природы становится интегральной частью всякого этического анализа. Аристотеля, который отличался удивительной дальновидностью, можно считать предшественником современных теорий эмоций [6].

В культуре Древнего Рима доминировали стоики, которые воспринимали эмоции как ошибки, которые делают нас несчастными. Сенека и Хрисипп сформулировали классическую познавательную теорию эмоций, согласно которой эмоции – это оценки, касающиеся мира и места человека в мире, который не поддается контролю и превосходит все разумные ожидания, в связи с чем, эмоции являлись для них ошибочными оценками, касающимися жизни, вызывающими страдания и фрустрацию. Выходом из ситуации могло быть «психическое безразличие» или апатия. Стоики в противоположность Аристотелю считали, что условием «хорошей жизни» является осознание полной бессмысленности эмоциональной вовлеченности [6].

Одновременно с появлением последних древних систем началось развитие новой философии – философии христианства, которая доминировала несколько столетий. В это время выделяют два периода: первый продолжался до VI века и являлся периодом формирования и формулирования основных доктрин христианской философии и назывался патристикой. Второй период, называемый схоластикой, после застоя, который продолжался пару веков, начался около VIII века и продолжался почти до конца XIV века, охватывая время средневековья [2]. Средневековые раздумья об эмоциях имели принципиальное значение для христианской психологии. По примеру стоиков больше всего внимания посвящалось познавательным и волевым аспектам эмоций [5]. Принимая во внимание, что в христианской теологии эмоции отождествлялись с грехами или искушениями, перед которыми должен устоять рассудок, они по природе вещей считались чем-то злым, а их проявление чем-то, со всех сторон осуждаемым [5]. Эта, характерная для христианства заинтересованность грехом, породила мелкий анализ тех эмоций, которые считались греховными (например, жадность, гнев, зависть, высокомерие), в то же время наивысшие добродетели, такие как вера, надежда и любовь, не классифицировались как эмоции. Фома Аквинский наделял их высшим статусом и ставил вровень с разумом, когда признание высших добродетелей эмоциями в те времена казалось неуместным [6].

Новый взгляд на эмоции принес XVII век и теория, признанная французским философом, физиком и математиком Рене Декартом (Картезиусом), создателем современного реализма, основанного на принципе методического скептицизма [7]. Картезиус является общепризнанным философом, который перебрал мост между схоластическим миром средневековья и современностью [6]. Однако Декарт был, прежде всего, ученым, восхищающимся «природным светом разума» и согласно принципу «*cogito ergo sum*», разум был сознательным и всезнающим; разум и сознание стали синонимами. Аффекты (*passions*-влечения) в этом понимании были разными состояниями сознания [7]. В своем трактате «Страсти души» он замечает, что эмоции требуют взаимодействия тела и разума. Затем он развивает теорию, согласно которой разум и тело «встречаются» в малой железе в области ствола мозга (эпифизе). Там тело влияет на разум посредством «жизненных дыханий», или малых частичек крови, которые вызывают эмоции и их физические проявления в разных частях тела. Согласно Картезиусу, эмоции не ограничиваются только телесной